

— Ха-ха-ха-ха-ха, я умираю со смеху, это так смешно! — Чжоу Сытянь внезапно засмеялась, придерживая живот. Её щёки покраснели, а в уголках глаз заблестели слёзы, непонятно, от смеха или... от слёз.

Лицо Шэнь Хунцзи стало мрачным.

— Господин Шао, вы не собираетесь урезонить свою спутницу?

Взгляд Шао Цихуа мелькнул недовольством. Младший по поколению осмелился говорить с ним таким тоном. Хотя Шао Цихуа и Шэнь Хунцзи были примерно одного возраста, он общался с Шэнь Ваньнянем как равный, так что Шэнь Хунцзи, естественно, был для него младшим.

— Старший брат Шэнь, — Шао Цихуа повернулся к Шэнь Ваньняню.

Улыбка на лице Шэнь Ваньняня тоже исчезла.

— Хунцзи, ты и Цюхуа сначала вернитесь домой.

Шэнь Хунцзи на мгновение задумался, затем кивнул и, поддерживая Чжао Цюхуа, направился к выходу.

Чжао Цюхуа подняла голову, собираясь что-то сказать, но встретила взглядом с покрасневшими глазами Чжоу Сытянь и замерла на месте. Шэнь Хунцзи почти насильно вывел её из зала.

Шэнь Ваньнянь, чувствуя, что потерял лицо, быстро произнёс пару слов и ушёл вместе с Ян Ваньжу.

— Ты знаешь невестку Шэнь Ваньняня? — Он стоял рядом и отлично видел выражение лица девушки.

Чжоу Сытянь подняла голову. Её макияж в какой-то момент уже был нанесён. Она провела рукой по глазам, и на её лице мгновенно расплылось чёрное пятно.

— Если я скажу, что она моя мама, ты поверишь?

Звон бокала, по которому ударил сэр Эдвард, через микрофон разнёсся по всему залу.

— Сегодня 24 декабря 1982 года, и я очень рад, что вы почтили своим присутствием банкет в резиденции губернатора Гонконга. Сянцзян — это Сянцзян самих сянцзянцев. Процветание Сянцзяна зависит от вас. Давайте вместе стремиться к более свободному, демократичному и процветающему Сянцзяну. Ваше здоровье!

— Ваше здоровье! — Все подняли бокалы.

Сладкий вкус винограда смешался с горечью алкоголя, скользая по горлу. Ли Чжэн немного пожалел, что пришёл на этот банкет. Эдвард действительно внёс огромный вклад в процветание Сянцзяна, но их позиции были разными. Демократия, свобода — два главных флага капитализма. В его тосте сквозило неприятие того, что Хуацзин вернёт суверенитет над Сянцзяном.

— Мне немного душно, выйду подышать, — тихо сказал Ли Чжэн Дэвиду.

Дэвид кивнул.

— В заднем саду резиденции губернатора есть искусственное озеро, очень красивое.

Ли Чжэн кивнул, взял у слуги пальто и направился в задний сад.

На протяжении всего банкета Лян Чжэ каждые две минуты поглядывал на Ли Чжэна. Увидев, что тот уходит, он, не раздумывая, последовал за ним. Пройдя через зал, он вошёл в задний сад, намереваясь найти Ли Чжэна, но увидел совсем другую сцену.

Женщина крепко обнимала Ли Чжэна, рыдая в голос. Слёзы и сопли текли по его одежде.

— Ух! — Лян Чжэ почувствовал, как кровь ударила в голову, и его тело уже не слушалось его. Он быстро подошёл к ним и резко разорвал их объятия.

Чжоу Сытянь и Ли Чжэн, ещё находясь в состоянии шока, одновременно посмотрели на Лян Чжэ.

Жёлтые листья кружились над головами троих, затем упали на землю.

Время отмотаем на десять минут назад.

После того как Чжоу Сытянь сказала Шао Цихуа, что Чжао Цюхуа её мать, она больше не могла сдерживать рыдания.

Шао Цихуа растерялся. Видя, как окружающие бросают на них взгляды, а многие старые друзья и конкуренты из делового мира начинают приближаться, он сдался и увёл Чжоу Сытянь в задний сад.

Чжоу Сытянь, всхлипывая, рассказывала свою историю.

— Как она могла так поступить? Папа был так добр к ней, не отвергал её, не отвергал меня. Дома она ни о чём не заботилась. У других мам были заботы, а она только грустила и печалилась. Каждый раз, когда папа возвращался с моря, он, даже уставший, готовил нам ужин.

— Почему добрые люди не получают награды? Она уже замужем. Она, вероятно, даже не знает, что папа ушёл... — Шао Цихуа был незнакомцем, и с ним было легче говорить о таких вещах, чем с близкими.

Никто никогда не плакал перед ним так горько. Шао Цихуа не знал, как реагировать, и стал утешать её, как когда-то своего сына.

В это время в задний сад вошёл молодой человек.

Шао Цихуа взглянул на него. Он не знал его, вероятно, это был кто-то из младших.

Ли Чжэн, войдя в задний сад, услышал слабые всхлипывания. Его тело напряглось, ночью это было довольно жутко.

Очень скоро он понял, что этот плач ему знаком. Когда он только попал в эту эпоху, его сознание было ещё затуманено, и он часто слышал этот голос.

Он ускорил шаг, затем замер. Женщина с покрасневшими глазами, с тёмными кругами под ними и странными чёрными пятнами на лице, смотрела на него, не моргая.

— Сестра... — Ли Чжэн широко улыбнулся, его обычно холодные глаза стали тёплыми.

Главное, что ты в порядке.

Чжоу Сытянь сильно потёрла глаза, и подводка размазалась ещё больше.

— Сяочжэн! Это действительно ты! Сяочжэн!! — Чжоу Сытянь вскочила и, сделав три шага, бросилась на Ли Чжэна.

Ли Чжэн пошатнулся, едва не упав. Даже при том, что в последнее время он хорошо питался, его рост не увеличился. Ли Чжэн подумал, что если через пару лет он не вырастет, то его лаборатории придётся заняться разработкой препарата для роста.

Чжоу Сытянь всё ещё была на полголовы выше Ли Чжэна, поэтому она без труда подняла его и покрутила.

— Это действительно ты! Ты знаешь, как я боялась, когда услышала, что ты упал в море! Хорошо, что с тобой всё в порядке! Хорошо, что с тобой всё в порядке! — Чжоу Сытянь повторяла эти слова, пережив за этот вечер слишком много: сначала Чжао Цюхуа, потом Ли Чжэн. Под влиянием горя и радости слёзы и сопли снова хлынули, и на этот раз пострадала одежда Ли Чжэна.

Ли Чжэн успокаивающе похлопал Чжоу Сытянь по спине. Его взгляд встретился с подошедшим Шао Цихуа, и в глазах обоих промелькнули недоумение и недовольство.

Но прежде чем они успели что-то сказать, Лян Чжэ внезапно вмешался.

Трое одновременно посмотрели на Лян Чжэ с бесстрастным лицом.

Лян Чжэ холодно взглянул на Чжоу Сытянь, и на его обычно каменном лице появилось выражение отвращения.

— Уродливо!

Чжоу Сытянь широко раскрыла глаза, её большие глаза под ужасным макияжем выглядели пугающе.

— Ужасно уродливо!

Чжоу Сытянь указала на себя, открыла рот, но не смогла выговорить ни слова, едва не задохнувшись.

— Ты ты...

Лян Чжэ не обращал на неё внимания, лишь с недовольством смотрел на сопли и слёзы на пальто Ли Чжэна. Его правая рука, опущенная вдоль тела, слегка дёрнулась, а глаза забегали.

Снять или нет?

Пока Лян Чжэ колебался, со входа в задний сад раздался странный голос Дэвида на кантонском диалекте.

— Ли, ты здесь? Банкет скоро закончится.

В голове Лян Чжэ сразу же возникло лицо Дэниела с сухим полотенцем. В его глазах мелькнула злоба, и он тут же снял своё пальто, быстро подошёл к Ли Чжэну.

Он сбросил грязное пальто Ли Чжэна на землю и накинул своё на него, всё делая одним движением.

Ли Чжэн...

Чжоу Сытянь...

— О Боже, ведьма! — Дэвид, подойдя ближе и увидев Чжоу Сытянь, вскрикнул.

Чжоу Сытянь замерла, потрогала своё лицо и вопросительно посмотрела на Ли Чжэна и Шао Цихуа.

— Не так уж страшно, просто макияж немного размазался, — сказал Ли Чжэн.

— Да, иностранцы всегда преувеличивают, — добавил Шао Цихуа.

.....

Банкет закончился, Ли Чжэн отказался от предложения Дэвида подвезти его и сел в машину Шао Цихуа вместе с Чжоу Сытянь.

Он до сих пор не понимал, как Чжоу Сытянь связалась с Шао Цихуа.

Шао Цихуа, медиамагнат и король транспорта Сянцзяна. К концу 1990-х его медиаимперия охватывала почти всю Азию. Позже, с упадком телевидения и подъёмом интернета, семья Шао постепенно исчезла из числа элиты Сянцзяна. То же самое произошло и с транспортной отраслью. Семья Шао не смогла воспользоваться возможностями перехода от простого автомобильного транспорта к комбинированным морским, сухопутным и воздушным перевозкам, что привело к их упадку.

Однако к тому времени Шао Цихуа уже отошёл от дел. Один из известных интернет-миллиардеров Хуаго в XXI веке так охарактеризовал семью Шао: Шао Цихуа был волком, но, к сожалению, родил послушного щенка.

<http://bllate.org/book/17704/1653464>